

О пѣніи псаломщиковъ. Кто то изъ псаломщиковъ, кажется, Аржиловскій, сѣтуетъ на зависимость псаломщика отъ священника въ сферѣ пѣвческой дѣятельности псаломщика. Какъ много бы сдѣлалъ я, какъ пѣвецъ и какъ регентъ, если-бы мнѣ не мѣшала невѣжда-священникъ! Вотъ основная мысль его разсужденій. Не буду разбирать эту молодую, задорную претензію и судить о томъ — правъ, или виноватъ ея молодой авторъ, а разкажу, что эту мечту о независимости псаломщика, какъ пѣвчаго и регента, отъ священника мнѣ приходится осуществлять, правда, горькой неволей. Я человекъ лишенный природой всякаго музыкальнаго слуха. Сколько бы вы ни трудились объяснить мнѣ различіе между самымъ рѣжущимъ диссонансомъ и самымъ стройнымъ аккордомъ — я пойму васъ столько же, сколько понялъ бы васъ слѣпорожденный, если бы вы попытались объяснить ему различіе между розовымъ и желтымъ цвѣтами. Но, несмотря на все это, я всей душой люблю музыку и пѣніе, чувствую ихъ чарующую прелесть. Нужно ли теперь увѣрять, что я, если бы и хотѣлъ, то не могу вмѣшиваться въ пѣвческое дѣло моего псаломщика и стѣснять его свободу въ данномъ случаѣ.

И прекрасно, скажетъ г. Аржиловскій. Не всегда, отвѣчу я, вотъ послушайте-ка, что изъ этого, иной разъ, получается.

Однажды, предъ всеюнощной, приходитъ ко мнѣ одинъ изъ служившихъ со мной псаломщиковъ и торжественно сообщаетъ мнѣ, что они сегодня поютъ тріольное „покаяніе“.

Мнѣ ни одинъ разъ приходились слышать это „покаяніе“, и я знаю, что это вещь очень трудная для исполненія, нужны большія голосовыя средства, нужно большое умѣнье, а главное, какъ мнѣ кажется, необходимо не столько понять, сколько почувствовать сердцемъ, чѣмъ была зажжена и какъ горѣла восторженная душа поэта — автора этой чудной пѣсни — плачи о покаяніи. Необходимо также почувствовать и другого поэта — музыканта, написавшаго чудную музыку, на чудныя слова. Я помню, какъ въ нашей семинарской церкви это покаяніе пѣли три нашихъ преподавателя: П. А. и Х. В. Они обладали большими голосами и каждый изъ нихъ былъ артистомъ въ душѣ... Съ первыхъ же двухъ звуковъ меня охватило какое то очарованіе, я слышалъ не пѣніе, а плачь не о грѣхахъ, а о трудности, почти невозможности самаго покаянія. Мнѣ казалось, что голо-

са пѣвцовъ рвались отъ грѣха—къ покаянію, отъ земли къ небу, но земля цѣпо держала ихъ прелестью грѣха, а они рвались, бились и безсильные плакали... Безысходной тоской, граничащей съ отчаяніемъ, звучалъ басъ, особенно, на словахъ „окаляхъ душу грѣхми“.

„И въ лѣности, и въ лѣности“ рыдали тенора, „все житіе мое изжидихъ“ пропѣли всѣ три голоса. Сознаніемъ неминуемой фатальной гибели, безсиліемъ предъ совершившимся фактомъ звучалъ этотъ исключительный, мрачный аккордъ. Мгновенная, но томительная пауза, и всѣ три голоса радостнымъ, какъ сама надежда, аккордомъ полетѣли къ Милосердному Богу. Нѣтъ отчаянія—гдѣ есть надежда, нѣтъ безсилія—гдѣ есть помощь, —сказали послѣднія слова и ноты пѣснопѣнія.

Можно ли было ожидать всего этого отъ нашихъ деревенскихъ пѣвцовъ съ ихъ нераслѣтymi, необработанными голосами? Могли ли эти малограмотные люди понять и поэта и композитора? Да и самъ то ихъ руководитель, исключенный изъ 3-го класса духовнаго училища за тупость, могъ ли вдохнуть въ нихъ все это?... Первый разъ въ жизни попробовалъ я вмѣшаться въ пѣвческое дѣло, посоветовавши пѣть простое, а не тріольное „покаяніе.“

„Вы, батюшка, пожалуйста на спѣвку, пожалуйста и тогда судите; если это плохо, поправьте, научите“...—съ иронической покорностью просилъ меня псаломщикъ.

Если вамъ такъ хочется, то пойте; научить и поправить, какъ вамъ извѣстно, я не могу, но боюсь, что и вамъ это будетъ не по силамъ.

„Успокойтесь и не то еще пѣвали“...—Отвѣтилъ мнѣ псаломщикъ и началъ прощатъ. Что ты суешься, коли ничего не смылишь, говорилъ мнѣ его презрительный взглядъ.

Быть можетъ, что онъ и правъ, подумалъ я, и началъ собираться ко всенощной.

Къ несчастію, псаломщикъ правымъ не оказался.—Съ первыхъ же словъ пѣснопѣнія мнѣ стало понятно, что мои пѣвцы рѣшительно не понимаютъ, да и не заботятся о смыслѣ словъ и музыки этого пѣснопѣнія... Я взглянулъ туда, гдѣ обыкновенно стояла наша сельская интеллигенція и увидалъ на всѣхъ лицахъ краснорѣчивыя улыбки, а молоденькая учительница стояла утѣнувшись лицомъ въ муфту. Для

меня стало несомненно, что начинается „водевиль“. Стыдь за пѣвцовъ, досада на себя за нераспорядительность... Если можно, я ушелъ бы изъ церкви. А пѣвцы между тѣмъ старались во всю, тенора заботились только о томъ, чтобы перекричать другъ друга и ревѣли, а басъ, онъ оралъ, завывалъ, или, какъ хотите, но только не пѣлъ. На словѣ „окаляхъ“ онъ пустилъ такую руладу, что учительница громко всхлинула отъ душившего ее смѣха, среди интеллигенціи ясно подавленный смѣхъ, старушки-крестьянки усиленно крестились и сердито шептали „Господи Іисусъ Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“... „Но Твоими молитвами“ торопливо пропѣлъ псаломщикъ одинъ и попросту.

Для пошлыхъ шутокъ это „покаяніе“ дало большую пищу и долгое время, въ нашихъ краяхъ, оно было притчей во языцѣхъ. Послѣ этого псаломщика у меня былъ другой; этотъ былъ развитѣе своего предмѣстника, тріольныхъ покаяній онъ не пѣлъ, но все таки склонность къ партесному пѣнію, а, особенно, къ разнымъ forte и fortissimo была очень большая. Помнится, очень не дурно выходило у него Великое Славословіе, не знаю какъ оно называется, кажется, Теофаніевское, но forte на словѣ „свѣтъ“ портило все дѣло. Человѣкъ, очевидно, слыхалъ, какъ пѣлъ это славословіе нашъ архіерейскій хоръ, когда имъ правилъ Николаевъ. На самомъ дѣлѣ въ этомъ forte тогда слышалась какая-то сила, мощь, торжество свѣта и правды, но, вѣдь, тогда у задней стѣнки хоры нашего кафедральнаго собора стояло человѣкъ восемь такихъ господъ, какъ Цвѣтковъ, Меркурьевъ, Чупровъ, Хнюнинъ и т. д... А тутъ тоже пытались сдѣлать два—три пѣвца, только мнящихъ себя басами, и получился ревъ голодныхъ телятъ. Каюсь, г. Аржиловскій, тутъ я вмѣшался, рѣшительно потребовавши, чтобы пѣвцы на словѣ „свѣтъ“ не кричали. Пѣвцы покорились, но „свѣтъ“ они стали дѣлать внизъ. Не знаю — хорошо ли это выходило, но безобразнаго крика больше не было — и за это спасибо.

Я могъ бы еще поразсказать не одинъ и не два подобныхъ факта — анекдота, но я сѣлъ писать не для того, чтобы разсказывать анекдоты или высмѣивать противную партію, а чтобы сказать нѣсколько словъ правды, хотя-быть можетъ, и не вѣсѣмъ пріятной.

Несомнѣнная истина, что для того, чтобы быть самостоятельнымъ

въ какомъ бы то ни было дѣлѣ, нужно знать это дѣло обстоятельно, всесторонне; понимать его какъ въ цѣломъ, такъ и въ деталяхъ. А для этого необходимо долго, серьезно изучить его, упорно, кропотливо надъ нимъ работать — не годъ и не два, иначе выйдетъ не дѣло, а только мука...

Скажите-ка, г.г. псаломщики, много ли изъ васъ людей долго, серьезно работавшихъ надъ пѣніемъ, изучившихъ и понимающихъ его? Правда, есть священники пишущіе съ грамматическими ошибками, есть между ними люди лѣнивые, малоразвитые, но все таки, въ 95 случаяхъ изъ 100, священники образованны, развитые, опытные своихъ псаломщиковъ, высшимъ предѣломъ образованности которыхъ, за единичными исключеніями, служитъ 1-й классъ духовной семинаріи. По выходѣ изъ учебнаго заведенія псаломщики обыкновенно книгъ не читаютъ и своимъ самообразованіемъ нисколько не занимаются. Въ большой половинѣ случаевъ псаломщики — безусые мальчики. Мнѣ кажется, въ неопытности и недоразвитости и заключается причина большаго пѣвческаго грѣха нашихъ псаломщиковъ, мѣшающаго имъ быть самостоятельными въ этомъ дѣлѣ, — объясняется ихъ пристрастіе къ партесному пѣнію и презрѣніе къ простому. Всякій порабатавшій чело-вѣкъ осторожно берется за трудное дѣло, онъ знаетъ, какъ это нелегко, а недоучка-диллетантъ ничего этого не пережилъ, не знаетъ, а потому ему и море по колено.

Вотъ почему псаломщика не убѣдишь работать надъ простымъ пѣніемъ и ограничиться какими нибудь „сельскими хорами“ или руководствомъ о. Александра Коровина, — нѣтъ ему подай восьмиголосный концертъ или тріольное покаяніе. И до какихъ курьезовъ не доходитъ между нашими пѣвчими это поклоненіе партесному пѣнію?..

Одинъ старичекъ священникъ рассказывалъ мнѣ, что однажды въ ихнее забочное сельцо заѣхалъ Преосвященный Аврамій, одинъ, безъ свиты. Дѣло было ночью съ субботы на воскресенье, и Владыко предупредилъ священника, что онъ завтра будетъ слушать у нихъ литургію. Признаться, рассказывалъ о. Никита (имя священника), я сильно перетрусилъ, лѣтъ двадцать пять не служивалъ при Преосвященныхъ — поотвыкъ, а мой Иванъ Семеновичъ (псаломщикъ), какъ узналъ о намѣреніи Владыки, такъ и заходилъ гоголемъ, словно его въ полковники пожаловали. Такъ и видно, что удивить задумалъ,

и вѣрно — удивилъ... Владыка пожаловалъ въ церковь во время проskomидіи и сталъ на правый клиросъ, а Иванъ Семеновичъ на лѣвомъ пѣлъ обѣдню одинъ. До херувимской дѣло шло у насъ хорошо, но вотъ сказалъ я послѣдній возгласъ, отворилъ царскія врата, взглянулъ на клиросъ и обмеръ: мой Иванъ Семенычъ стоялъ на срединѣ клироса, укусилъ камертонъ, поднесъ его къ уху, до, ля си, до — давалъ онъ кому-то тонъ, торжественно взмахнулъ руками на всѣ четыре голоса одинъ. Не знаю, чтобы изъ этого вышло, если бы Преосвященный не приказалъ замолчать и пѣть попросту.

Мнѣ могутъ сказать, что я напрасно трудился, рассказывалъ объ Иванѣ Семеновичѣ, такъ какъ Ив. Сем. исключеніе, и едвали ктонибудь еще отважится пѣть на четыре голоса одинъ. Нѣтъ, отвѣчу я, Ив. Сем. не исключеніе, это, только, рѣзкій, выпуклый примѣръ, дошедшій, въ слѣпномъ поклоненіи партесному пѣнію, до крайности. Возьмите моихъ трехъ пѣвцовъ съ ихъ тріольнымъ поканіемъ, развѣ это не Ив. Сем.? Правда, ихъ было трое, т. е. какъ разъ столько, сколько нужно, но, вѣдь, скольконибудь сноснаго пѣвца между ними не было ни одного. Да и каждый псаломщикъ, хотя бы и знающій пѣніе, который беретъ за трудныя партесныя вещи, у насъ въ деревнѣ, (а кто въ этомъ не грѣшенъ?) уже Ив. Сем.. такъ наставъ онъ пѣвцовъ, хоть, полонъ клиросъ, а пѣть то прійдется ему одному. Развѣ возможно на двухъ — трехъ, или, даже, на десяти — двадцати спѣвкахъ передать пѣвцамъ все то, чему они должны бы были учиться долгами годами. Я видалъ, какъ долго работаютъ надъ всякой новинкой регенты такихъ хоровъ, какъ архіерейскій, часто тратится на это по мѣсяцу и болѣе... Но тамошніе пѣвчіе не представляютъ изъ себя „сыраго матеріала“. Въ каждой партіи есть два — человекъ, которые составляютъ ядро партіи и ведутъ за собой менѣе опытныхъ. Я слишкомъ профанъ, чтобы осмѣлиться давать совѣты, но высказать свое мнѣніе и мнѣ, убогому, не грѣхъ. Обладай я слухомъ, охотой пѣть и учить пѣнію, я никогда не взялся бы въ деревнѣ за партесное пѣніе, а работалъ бы надъ простымъ. Оно имѣетъ одно незамѣнимое преимущественно предъ партеснымъ, а именно: многія партесныя вещи хороши только при артистическомъ исполненіи, при посредственномъ исполненіи онѣ вызываютъ улыбки, а при плохомъ онѣ прямо безобразны. Простое же пѣніе хорошо и при посредственномъ

исполненіи, сносно при плохомъ и въ безобразное оно переходитъ у пьянаго, или у такого пѣвца, какъ я, если бы я отважился запѣть. Кромѣ того отъ многихъ серьезныхъ знатоковъ нашего церковнаго пѣнія я слыхалъ, что простое—гласовое пѣніе, если надъ нимъ поработать и поставить его какъ слѣдуетъ, будетъ ничѣмъ не хуже партеснаго, даже хорошо поставленнаго... Впрочемъ, вотъ еще одинъ фактъ.

Въ 1898 году я былъ въ Казани на краткосрочныхъ педагогическихъ курсахъ. Казанской епархіей тогда правилъ Высокопреосвященный Арсеній—теперь Харьковскій. Этотъ Высокопреосвященный особенно любилъ догматикъ „Царь небесный“... и вездѣ, въ учебныхъ заведеніяхъ, куда онъ пріѣзжалъ, онъ требовалъ, чтобы учащіеся пѣли этотъ догматикъ на гласъ. Знали о намѣреніи Владыки посѣтить наши курсы, а потому усиленно разучивали этотъ догматикъ. Высокопреосвященный пріѣзжалъ къ намъ на лекцію исторіи и остался на слѣдующую лекцію пѣнія, а потомъ приказалъ спѣть догматикъ 8 гласа „Царь Небесный.“ Лекторъ пригласилъ курсистовъ на средину аудиторіи, болѣе ста человѣкъ оружили его и запѣли... Если бы я своими ушами не слыхалъ приказаніе Владыки пѣть догматикъ 8 гласа, я бы не повѣрилъ, что это—простое пѣніе на гласъ. А одинъ мой товарищъ, оставшійся на мѣстѣ, съ такими пѣвчими, какъ я, изъ за болѣзни въ горль, дернувъ меня за фалду, прошепталъ: „понялъ, почему существуетъ преданіе, что гласовому пѣнію Дамаскина научилъ ангелъ.“

Священникъ П. Александровъ.

О П Е Ч А Т К А.

Въ замѣткѣ о пѣніи псаломщиковъ, напечатанной въ № 2-мъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“, вкралась ошибка—тамъ напечатано: „священники въ 95 изъ 100 случаевъ образованы, развиты и опытнѣе своихъ псаломщиковъ“... Нужно было напечатать: „Священники въ 95 изъ 100 случаевъ развитѣе, образованнѣе и опытнѣе своихъ псаломщиковъ“... Объ образованности и развитіи священниковъ говорено было *только по сравненію съ псаломщиками.*
